

© 1999 г.

В.В. СОГРИН

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ
В КОНТЕКСТЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

1

Современный этап российской истории, начавшийся в середине 1980-х годов, приравнивается исследователями к коренной общественно-политической трансформации. Его перипетии находятся в центре внимания отечественного обществознания. Разрабатывается и теоретический инструментальный анализ и объяснения современной российской трансформации. В выработке этого инструментария главная роль принадлежит общественным наукам.

В самом отечественном обществоведении в последние годы произошли серьезные перемены. В первую очередь они выразились в освоении тех подходов и теорий, которые характерны для современных зарубежных, особенно западных общественных наук. Традиционные подходы оказались потесненными на второй план, хотя и не утратили своего влияния. Среди отечественных исследователей нет единства в подходе к нынешним историческим перипетиям, да оно вряд ли возможно. Их изучение развивается на основе конкуренции разных теоретических методов, и ни один из них не может претендовать на монополию. Вместе с тем важно знание и осмысление возможностей этих подходов, выявление как их сильных сторон, так и ограниченности в соотношении с исторической конкретикой.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать познавательные возможности теорий общественно-экономических формаций, модернизации, цивилизаций и социальных революций в применении к драматическому современному периоду, переживаемому Россией. Моя позиция при этом отнюдь не определяется стремлением к утверждению теоретического монизма, т.е. нахождения универсальной познавательной модели, которая даст возможность научного познания российского исторического опыта в контексте всеобщей истории. Допуская вероятные обвинения в эклектике, я тем не менее исхожу из того, что современный исторический опыт России может быть осмыслен на основе сочетания разных макро- и микротеорий (исторических, социологических, политологических, экономических), которые дополняют, а не исключают друг друга. Важно найти такую совокупность и такое сочетание теоретических подходов, которые обеспечивают наиболее адекватное понимание современного российского опыта. А это требует раскрытия познавательных возможностей каждого из подходов.

Среди названных выше теорий наибольшее количество критических замечаний в последние годы вызвала теория общественно-экономических формаций. Было бы, однако, опрометчиво сбрасывать эту теорию с научных счетов, отказывать ей в праве

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра "Историческая мысль и идеология" Института всеобщей истории РАН.

объяснять происшедшие в России перемены. Дело в том, что в этой теории при нетрадиционном – по принятым у нас меркам – ее рассмотрении заключена рациональная возможность объяснения того, что с точки зрения ее ортодоксальных сторонников вообще не могло иметь места. А именно, почему в России потерпела крушение "передовая" общественная формация, а на ее место заступил "изжитый" общественный строй.

Теория общественно-экономических формаций, как она интерпретировалась в СССР, исходила из наличия универсальной схемы развития всех стран и народов, которая предусматривала последовательную смену пяти формаций – за первобытно-общинной шла рабовладельческая, за ней феодальная, капиталистическая, коммунистическая. При этом каждая последующая формация объявлялась более передовой, чем предшествовавшая, а коммунизм являлся высшей и последней среди них. Эта схема допускала, что те или иные народы могли миновать или не знать ту или иную общественную формацию, но все они так или иначе, пусть и с некоторыми "пропусками", двигались по заданному пути, выходя в конечном итоге на коммунистическую дорожку как на финишную прямую. При этом особенно жестко интерпретировались взаимоотношения между двумя последними формациями – капиталистической и социалистической. Уступок и компромиссов здесь не допускалось: капитализм был обречен на загнивание и крах, а социализм на прогрессивное развитие "вширь и вглубь". В свете этой схемы история капитализма XX в., в том числе и даже особенно ее самого развитого региона – западного – подавалась как история "общего кризиса капитализма", в котором различались три этапа: до второй мировой войны, от второй мировой войны до 60-х годов и от 60-х годов до наших дней. "Общий кризис капитализма" трактовался как перманентный, тотальный, охватывающий все сферы – от экономической до духовной, углублявшийся на каждом из последующих этапов. Что касается социализма, представленного в первую очередь СССР, то его развитие согласно ортодоксальной формационной схеме, осуществлялось по восходящей линии, что должны были подтвердить концепции "полной", "полной и окончательной" победы социализма в СССР, "развитого социализма" и другие.

События, происшедшие в СССР и России после 1985 г., нанесли по этой теории сокрушительный удар. Многие из тех, кто придерживался формационного подхода, перед лицом очевидных противоречий между историческими реалиями и идеологическими схемами отказались от ортодоксии и обратились к поиску иных теоретических подходов к историческому процессу. Те же, кто остался верным ортодоксии, оценили происшедшие исторические перемены как "противоестественные" и прибегли при их объяснении к схемам, которые призваны доказать "искусственный" характер крушения СССР и социализма. Главной для них оказалась концепция "заговора", усматривающая причину драматического катаклизма в происках мирового империализма, в первую очередь США, умело оперевшихся в самом СССР на "агентов влияния". Эта концепция с научной точки зрения должна быть зачислена в разряд псевдотеорий в силу неспособности признать реальные и глубинные естественноисторические причины радикальной российской трансформации.

Но может ли быть так же однозначно охарактеризован формационный подход и теория общественно-экономических формаций? В последние годы они были подвергнуты всесторонней, весомой и обоснованной критике. Критики указывали, что формационная теория была сформулирована ее создателями на основе исторического опыта части западноевропейского региона, но механически экстраполирована на другие регионы. В ряде случаев формационная модель оказывалась в явном противоречии с тем или иным региональным или страновым развитием, игнорировала их цивилизационные характеристики. Образно говоря, формационная теория была в действительности не универсальным историческим законом, а, используя веберовский термин, "идеальным типом", который мог быть полезным теоретическим инструментом только в применении к определенной исторической среде. Самым же главным недостатком формационной теории было признано то, что она венчалась жесткой генерализирующей

концепцией счастливого финала человеческой истории, достижение которого обособилось соответствующим социально-политическим учением о путях преобразования общества. Концепция коммунистической формации признавалась критиками, безусловно, самой слабой частью Марковского учения. Коммунистические эксперименты в СССР трактовались как практическое тому подтверждение.

В целом отечественная критика не оставляет, кажется, формационной теории никаких шансов на познавательную роль в объяснении современной российской трансформации. Крах реального социализма лишь подтверждает в ее глазах ошибочность этой теории. И такой ее вывод можно было бы признать справедливым, если бы наряду с формационной версией советского образца не существовало других версий, в первую очередь западной марксистской и в более широком смысле социалистической.

Здесь нет возможности подробно разбирать западный социалистический вариант формационной теории. Остановлюсь только на истолковании в нем путей смены капитализма социализмом, в свете которого печальная судьба советского социализма и современный российский исторический опыт выглядят не как некая трагическая случайность, а как закономерность истории. По мнению многих представителей западной социалистической мысли, признающих учение К. Маркса, тот способ смены капиталистической формации социалистической, который реализовался в России в начале XX в., не только не соответствует, но, напротив, находится в вопиющем противоречии с учением Маркса.

Ярким образцом подобной интерпретации могут служить труды скончавшегося недавно американского социолога М. Харрингтона, ведущего социалистического теоретика второй половины XX в. Маркс, указывал он, мыслил переход от капиталистической формации к социалистической как естественноисторический: он должен был произойти по мере вызревания всех материальных и духовных предпосылок. Но первая же социалистическая революция – Октябрьская 1917 г. в России – грубо нарушила этот основополагающий постулат марксизма. Итог был печален: "социализация бедности могла утвердить только новую форму бедности". И в дальнейшем, согласно Харрингтону, "антисоциалистический социалистический эксперимент" в России развивался вопреки учению Маркса. Вместо преодоления отчуждения трудящихся от средств собственности, политической власти, духовных ценностей, восторжествовавший в России режим насаждал новые формы отчуждения. Нужно заметить, что Харрингтон не отрицал объективных причин российской, как и других революций в слабо и среднеразвитых странах, выступавших от имени социализма, но он утверждал, что с марксистской теорией социализма, а следовательно, и с социализмом в научном понимании связи они не имеют. Отсюда и его определение созданных в этих странах общественных систем: "антисоциалистический социализм"¹.

Нетрудно обнаружить, что оценки Харрингтона перекликаются с оценками Г.В. Плеханова и его социалистических единомышленников в России начала XX в., рассматривавших готовность В.И. Ленина и большевиков свершить социалистическую революцию в России как историческую авантюру. Из этих оценок можно извлечь недвусмысленный вывод относительно современных российских перемен: они являются наказанием за попытки перепрыгнуть исторические этапы смены капитализма социализмом и принуждают Россию пройти те этапы дозревания до социализма, которые большевики попытались миновать.

Я не сомневаюсь, что и подобный подход вряд ли рассеет сомнения относительно возможности формационной интерпретации современных российских перемен. И этот подход не снимает многих вопросов. Один из главных среди таких вопросов может быть сформулирован так: а знает ли история хоть один пример перехода капитализма в случае его "естественного созревания" в социализм? Подразумевается, что подобный пример стоит поискать, но без всяких шансов на успех, в современных западных

¹ *Harrrington M. Socialism. New York, 1970, p. 5-6, 8-9, 29, 36-37, 42.*

странах, которые вроде бы созрели и перезрели для перехода к социализму, но все же вершать его явно не желают.

Развитие западных стран в XX в. действительно не соответствует марксову предназначению. По крайней мере, в его работах трудно найти прогноз того исторического пути, который проделали в XX в. страны Запада. Но вместе с тем история западного капитализма отнюдь не свидетельствует об отторжении социализма. Более того, капитализм XX в. развивался на основе все большей его социализации, а в глазах многих поборников "чистого капитализма", впрочем, как и их антиподов, социал-реформистов, это вообще уже не капитализм, а некая разновидность социализма. Так что и в случае с западным капитализмом возможность формационного анализа исторических перемен XX в. не исчерпана.

Я отнюдь не считаю, что современное западное общество является социалистическим (такая точка зрения была распространена в России на рубеже 80–90-х годов среди идеологов демократического движения, ставших потом яркими антисоциалистами). Но не могу согласиться и с концепцией, высказанной несколько лет назад в журнале "Коммунист", по которой не эпоха свободной конкуренции, т.е. капитализм XIX в., а монополистический капитализм XX в. следует рассматривать как адекватную форму капиталистического способа производства². На мой взгляд, адекватной формой капиталистического способа производства был как раз "свободный" капитализм XIX в., в XX же столетии он утратил свои классические черты и развивался – под воздействием новых факторов, в частности классовой борьбы в самих западных странах и соперничества с реальным социализмом – на основе социализации заключенных в нем способов производства и распределения. Этот процесс прошел ряд этапов³, причем наибольшие успехи обозначились на современном этапе. Именно на этом этапе в странах Запада прочно укоренились системы социального страхования и вспомоществования, гарантирующие защищенность широким слоям населения в случае безработицы, старости, обнищания, болезни и т.д. Широкое развитие получили системы бесплатной или льготной медицинской помощи малоимущим и престарелым, строительства для них муниципального жилья.

Социализация западного капитализма обеспечила широким слоям населения больше социальных прав и льгот, нежели смог дать их реальный социализм в СССР своим гражданам. Не составляет большого труда на основе первоисточников доказать, что именно этот фактор во многом способствовал формированию у россиян в начале современной эпохи радикальных перемен желания "жить как на Западе", т.е. в системе зрелого капитализма, а не социализма. Однако попытка реализации капиталистической модели в России в "гайдаровский" и последующий периоды привела к результатам, противоположным этим ожиданиям. Это послужило в свою очередь ренессансу социалистических устремлений в широких слоях населения, которые, на мой взгляд, в лучшем случае приведут к процессу социализации российского государственно-номенклатурного капитализма, а в худшем – к реставрации номенклатурного социализма.

Как бы то ни было, процесс социализации современных обществ не обнаруживает признаков его прекращения. Есть основания полагать, что он будет развиваться и в последующем, как в странах Запада, так и в России, но выбор "социализм или капитализм" не выдвинется в повестку дня. Это торжество процесса социализации капитализма над революционной сменой капитализма социализмом определенно дает ключ к пониманию тех перипетий, которые происходят в России на новейшем этапе ее истории.

Вышеизложенная интерпретация современных перемен в России носит в значительной мере гипотетический характер. Главной моей целью при этом было показать, что признание естественноисторического характера антисоциалистической трансфор-

² Медведев В Великий Октябрь и современный мир – Коммунист, 1988, № 2, с. 6.

³ См Согрин В Новый взгляд на историю западного капитализма – Вестник Российской академии наук, 1993, № 8.

мации России с позиций формационного подхода не является абсурдом и что этот подход, но не в его ортодоксальном варианте, может занимать место среди теоретических приемов рассмотрения причинно-следственных связей современных российских перипетий.

2

Более прагматической, а при соотнесении с современными российскими реалиями более "осязаемой" представляется мне теория модернизации. Но именно эта теория вызывает наибольшую критику и откровенные нападки со стороны националистически настроенных российских политиков и идеологов. При этом критики в первую очередь указывают на ее "прозападный характер", заключенную в ней попытку представить в качестве образца общественно-политического устройства современную западную цивилизацию и навязать этот образец другим странам и народам. На мой взгляд, отрицать идеологические черты теории модернизации, в первую очередь самых известных, расхожих ее интерпретаций, не приходится. Но разве обростание идеологической функцией не является судьбой любой влиятельной социальной теории? Есть смысл поэтому, выявив идеологическую функцию, отделить ее от рационального начала социальной теории и рассмотреть ее познавательные возможности. У теории модернизации они, безусловно, имеются.

Теория модернизации оформилась после второй мировой войны в лоне западного, прежде всего американского общественнознания. Ее наиболее влиятельные выразители Т. Парсонс, С. Липсет, Р. Бендикс и их последователи исходили из разделения всех обществ на традиционные и современные. Процесс превращения всех обществ, изначально традиционных, в современные (по английски "modern", отсюда и термин "модернизация" для обозначения процесса) составил, согласно их заключению, основу общественно-исторического прогресса. Основными чертами современного общества были признаны право каждого индивидуума владеть и распоряжаться собственностью, свободное формирование и легализация разнообразных экономических и социальных интересов и объединений, законодательное закрепление и неотчуждаемость гражданских и политических прав человека, представительное правление и разделение властей, экономический и политический плюрализм, вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, рациональная бюрократия.

В совокупности эти черты современного общества представляют "идеальный тип" западной либеральной демократии. Не случайно образцом классической и одновременно первой в мировой истории модернизации было признано либеральное обустройство большинства стран Запада в XVIII–XIX вв. Этот очевидный либеральный характер теории модернизации не помешал ей оказать влияние на обществоведов других идейно-политических ориентаций. Ее влияние, например, испытал крупнейший британский историк-марксист Э. Хобсбоум, выступивший с концепцией "двойной революции" как основы превращения стран Запада в современные общества. "Двойная революция" означала сплав либерально-демократической идейно-политической революции, образцы которой были продемонстрированы в США и Франции конца XVIII в., и промышленной революции второй половины XVIII – первой половины XIX в., путившей корни сначала в Великобритании, а затем в других странах Запада.

При всем том, что Запад был объявлен воплощением классической модернизации, первые выразители этой теории отнюдь не считали западную модернизацию завершенной. Они полагали, что процесс модернизации западного региона продолжается и во второй половине XX в. и включали в него в первую очередь создание "государства всеобщего благосостояния", т.е. развитие систем социальной защиты и поддержки среднего и низшего классов, расширение их экономических и политических прав⁴. Первоначальный вариант теории модернизации испытал очевидное влияние другой

⁴ См., например: *Parsons T. The System of Modern Societies*, Englewood Cliffs, 1971; *Bendix R. Nation-Building and Citizenship. Studies of Our Changing Social Order*, Berkeley, 1977, p. 6–7.

популярной либеральной теории 50–60-х годов – конвергенции, в которой утверждалась и доказывалась необходимость и историческая закономерность соединения в идеальном обществе лучших черт капитализма и социализма.

Но основополагающими чертами современного общества считались, безусловно, механизмы и институты западного либерально-демократического капитализма. Именно они, согласно теории модернизации, создавали основу превращения любого общества в современное и исторического прогресса в последующем. Освоение механизмов западных обществ другими, незападными обществами было, таким образом, признано обязательным условием их перехода на рельсы современного прогрессивного развития. Стали выявлять и исследовать исторические и современные примеры освоения механизмов западной цивилизации, а в совокупности эти примеры и процесс были названы догоняющей модернизацией⁵. Сначала в качестве примера "догоняющей модернизации" рассматривали общественно-историческое развитие современных стран третьего мира. Затем примеры "догоняющей модернизации" были обнаружены в истории других стран, в частности Японии и России⁵.

Распространение теории модернизации на российскую историю, то, что ее сквозной линией и закономерностью объявляются заимствования общественных образцов западной цивилизации, оказалось неприемлемым и оскорбительным для националистически настроенных российских политиков и идеологов. Но с познавательной точки зрения вопрос заключается не в том, унижительно или не унижительно для России использование западных образцов, а в том, имеет ли оно характер долговременной исторической тенденции и влияло ли на прогрессивное изменение российского общества. Непредвзятое рассмотрение российской истории дает основание ответить на этот вопрос утвердительно.

Первым образцом российской модернизации на основе использования западных образцов некоторые историки считают петровские реформы. С этим можно согласиться с той оговоркой, что петровские реформы были своего рода протомодернизацией, поскольку западная цивилизация, из которой Петр позаимствовал по преимуществу технологические и организационные образцы, сама еще была в начале модернизационных преобразований. Вторым примером модернизации России называют преобразования, а по большей части преобразовательные намерения Екатерины II. Некоторые авторы даже полагают, что с эпохи Екатерины II в России берет начало либерализм⁶, где основополагающая идеологическая и институциональная традиция западной цивилизации. С этим трудно согласиться, поскольку екатерининский "либерализм" предназначался для обеспечения прав дворянского класса, а не для создания гражданского общества западного типа.

Образцом российской модернизации явились, по нашему мнению, реформы Александра II, охватившие два десятилетия XIX в. Они включали в себя не только экономические, но также социальные, политические и правовые реформы, которые отвечали потребностям развития российского общества и которые так или иначе были опробованы в лоне западной цивилизации. Следующим ярким примером российской модернизации может быть признана деятельность С. Витте и П. Столыпина в конце XIX – начале XX в., прогрессивный характер которой в сегодняшней России не отрицают, кажется, ни западники, ни почвенники, ни антикоммунисты и ни коммунисты.

Итак, процесс модернизации России предстает как одна из главных сквозных линий российской истории нового времени. Вполне доказуем "догоняющий" характер этой модернизации по отношению к западной цивилизации: действительно, вряд ли можно представить все эти реформаторские эпохи, саму их возможность при отсутствии у России потребности успешно взаимодействовать и конкурировать со странами Запада. И вполне естественно со стороны российских реформаторов было обратиться к тем

⁵ См.: Black C E et al. *The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study*. New York, 1975

⁶ См., например, *Левитович В В* История либерализма в России 1762–1914 М., 1995

принципам, механизмам и институтам, которые и обеспечивали опережающее развитие западной цивилизации.

Гораздо более затруднительно применение теории модернизации к российской истории советского периода. Тем не менее многие историки оценивают как модернизацию даже преобразования И.В. Сталина. Но по меркам теории модернизации такая оценка весьма сомнительна: сталинская "супериндустриализация" ставила целью догнать и перегнать Запад экономически, развиваясь на антизападной общественно-политической основе. Замечу также, что авторы теории модернизации решительно возражали против ее отождествления с индустриализацией, понимая под последней только одно из условий модернизации. "Догнать и перегнать" Запад, развиваясь по-социалистически, ставили своей целью и "либеральные" советские реформаторы от Н.С. Хрущева до М.С. Горбачева. Но если модернизация и не была моделью для советских преобразований, то она оказывалась как бы их alter ego: советские лидеры имели в виду соревнование именно с западной, а не с какой-либо иной цивилизацией, и, невольно признавая ее самой передовой хотя бы в экономическом отношении, СССР пытался так или иначе копировать, как минимум, западные технологические и организационные образцы. В отношении СССР к Западу существовал поразительный парадокс: с одной стороны, коммунистическая идеология пророчила неизбежный крах западного капитализма, с другой стороны, выдвигался лозунг "Догнать и перегнать Америку!".

Острая амбивалентность отношения СССР к западной цивилизации заключала в себе историческую альтернативу: или Советский Союз полностью изолируется от взаимоотношений с Западом, исходя из самодостаточности социалистической "цивилизации", или будет взаимодействовать и конкурировать с ним, заимствуя те или иные его образцы. Кульминация и развязка этого амбивалентного отношения к Западу пришлась на 80-е годы, когда в ходе горбачевских реформ выяснилось, что возможности для СССР реформироваться и обеспечить поступательное развитие на социалистической основе исчерпаны, и Советский Союз должен был позаимствовать для своих реформ либерально-демократические механизмы. Тогда-то модернизация СССР, а потом России стала все более и более развиваться по ее классическому, то есть либеральному образцу.

В исторической ретроспективе современная российская модернизация может быть рассмотрена как результат естественной конкуренции различных общественных систем XX в. Перипетии этой конкуренции, которая предстает как закономерность в глубоко взаимосвязанном мире XX в., когда всемирность истории достигает в сравнении с предшествующими эпохами не только высшей точки, но и нового качества, заслуживает всестороннего осмысления. В советской коммунистической идеологии она трактовалась как бескомпромиссная борьба между системами социализма и капитализма, при этом с самого начала схватки безусловная финальная победа предусматривалась социализмом. Сегодня комментарии по поводу этой концепции, как говорится, излишни.

Другая трактовка соперничества социализма и капитализма принадлежит американскому политологу Ф. Фукуяме, который накануне краха реального социализма заявил, что либерализм одержал окончательную победу над социализмом. Этот вывод был с готовностью подхвачен многими политиками и политологами, в том числе в России. Но у Фукуямы были и критики, к которым относится и автор настоящей статьи. Здесь ограничусь одним критическим замечанием в адрес Фукуямы. Вопреки его концепции, жизнеспособность в конце XX в. доказал не "чистый капитализм" и не "чистый либерализм", а капитализм социализированный, т.е. глубоко и многосторонне преобразовавший себя на основе использования тех же социалистических принципов. С таким капитализмом социализм советского образца конкурировать не смог, результатом стало его поражение и признание российским обществом необходимости собственной модернизации на основе освоения либерально-демократических образцов западной цивилизации.

В свете теории модернизации современная радикальная трансформация российского общества может быть разделена на три этапа. На первом – в 1985–1986 гг. –

М.С. Горбачев и его окружение использовали по преимуществу командно-административные меры реформирования советского общества, схожие с теми, к которым уже прибегали Н.С. Хрущев и Ю.В. Андропов. Мероприятия этого этапа – закон о госприемке, реорганизация министерств, школьная реформа, антиалкогольная кампания, ускоренное развитие машиностроения и др. – не только не дали ожидавшихся результатов, но даже усугубили экономические и социальные проблемы СССР. Первый этап по сути продемонстрировал исчерпанность возможностей модернизации общества на основе командно-административной модели.

На втором этапе – 1987–1991 гг. – М.С. Горбачев и его сподвижники попытались заменить командно-административный социализм своего рода советской моделью демократического социализма, которая была призвана раскрепостить экономические и социальные потенции общества. Среди многообразных политических реформ второго этапа выделялось введение альтернативных выборов депутатов Советов всех уровней. Среди экономических реформ на первом месте было введение хозрасчетного или товарно-рыночного социализма.

Новая стратегия дала результаты, совершенно не предвиденные ее создателями. Экономические реформы не удалось, зато политическая демократизация не только укоренилась, но и приобрела собственную неподвластную М.С. Горбачеву инерцию. Именно на ее волне модернизация стала вбирать в себя либерально-демократические образцы: в течение двух-трех лет оформился политический плюрализм, начали зарождаться гражданское общество и многопартийность. Ее размах и напора не выдержали ни командно-административная система, ни социалистический строй, ни сам СССР. Последней жертвой мирной политической революции, выросшей из политических реформ М.С. Горбачева, стал сам архитектор перестройки.

С распадом СССР и концом коммунистического режима в России начался третий этап модернизации, осуществлявшейся Б.Н. Ельциным и радикалами уже по "чистым" либеральным образцам. Радикально-либеральная модернизация сопровождалась противоречивыми и драматическими последствиями. С одной стороны, в России было введено свободное ценообразование, либерализована торговля, осуществлена массовая приватизация. Создание рыночных отношений стартуло с мертвой точки. Возник широкий слой бизнесменов, стали формироваться предпринимательский класс и предпринимательское сознание. С другой стороны, за "шоковый" вариант модернизации была заплачена очень высокая экономическая и социальная цена, в результате чего Россия погрузилась в перманентный социально-экономический кризис. Вместо обещанного радикалами "народного капитализма" с самого начала восторжествовал номенклатурный капитализм, общество раскололось на социальные крайности, реальностью стал процесс деиндустриализации со всеми вытекающими из него кризисными следствиями.

Вышеизложенное свидетельствует, что модернизация и вестернизация были приняты российским обществом добровольно в результате признания исчерпанности возможностей поступательного развития на социалистической основе. Другое дело, смогло ли российское общество выработать вариант модернизации, который бы снизил до минимума ее экономическую и социальную цену – опыт ряда других стран свидетельствует, что такая возможность реальна. Мой вывод состоит в том, что реформаторская российская элита, которая смогла завосвать доверие народа и прийти к власти, оказалась неспособной к выработке и восприятию такого варианта ни в интеллектуальном, ни в морально-нравственном плане. Ее утопизм и популизм, выразившиеся в обещании создать капиталистический рай в течение полутора лет, ее корысть и эгоизм, выразившиеся в циничном присвоении привилегий и собственности, отнятых у коммунистической элиты, и использовании власти для "первоначального накопления" собственных капиталов, стали одной из важнейших причин высокой социальной цены радикально-либеральной модернизации.

В осмыслении современного российского исторического опыта в последние годы все более весомым становится цивилизационный подход. В мировой исторической науке цивилизационный подход зародился давно и по возрасту он гораздо старше формационного подхода. Широкое распространение он получил в России XIX в., но после 1917 г. в СССР был предан забвению. За рубежом же, в первую очередь в странах Запада, он оставался одним из самых влиятельных. Среди его выдающихся представителей XX в. – О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, другие видные историки, философы, социологи.

Широкое использование цивилизационного подхода неизменно сочеталось и сочетается с неоднозначным пониманием "цивилизации", что приводит его выразителей к различающимся выводам. Под цивилизацией понимали и определенный уровень развития культуры, отличающий "цивилизационные" общества от "нецивилизационных", и общественно-географические конгломерации, существование которых было ограничено определенным историческим периодом, и отдельные страны, заключающие в своем развитии долговременные экономико-политические и социокультурные характеристики. Цивилизационный подход и теория цивилизаций всегда использовались в идеологических целях, выражавшихся в первую очередь в намерении подчеркнуть превосходство или исключительность той или иной цивилизации. Не случайно, что курсы по истории западной цивилизации и цивилизации собственных стран являются основополагающими мировоззренческими курсами в университетах стран Запада. Поэтому при определении познавательных возможностей цивилизационного подхода и его научном использовании очень важно отделять идеологическую функцию от рационального начала.

Понятие "цивилизация" стало популярным в СССР после 1985 г., и с самого начала оно приобрело идеологический характер. М.С. Горбачев и его окружение выступили с идеей универсальных общечеловеческих идеалов, ценностей мировой цивилизации, к которым в результате реформ должна быть приобщена и Россия. По мере развития перестройки набор этих ценностей – гражданское общество, правовое государство, свободный рынок, политический плюрализм, многопартийность – обнаруживал во все большей мере прозападный и пролиберальный характер. В идеологии российского демократического движения общецивилизационные ценности вообще стали тождественны ценностям западной цивилизации. Подобный цивилизационный подход оказал воздействие и на российских обществоведов, и многие из них в своих исследованиях стали опираться на концепцию "универсальных" общецивилизационных ценностей.

Серьезный удар по такому цивилизационному подходу нанесли реформы Б.Н. Ельцина и его последователей, обнажившие утопизм попыток переделать Россию на западный манер. Они резко усилили и скепсис относительно существования некой мировой цивилизации и универсальных человеческих ценностей. В общественной мысли и обществоведении стала разрабатываться идея о плюрализме цивилизаций, среди которых свое место занимает и Россия.

В 90-е годы наблюдается быстрый рост исследований по российской истории, в которых исповедуется второй вариант цивилизационного подхода, сегодня, безусловно, доминирующий над первым вариантом. Но и в его рамках обнаружили серьезные разногласия. Сторонники одного из направлений, которое как бы продолжает евразийскую концепцию, настаивают на уникальности и самодостаточности российской цивилизации. Среди неотъемлемых положительных характеристик российской цивилизации выделяют православие, общинность, государственность и державность, соборность, являющиеся барьером на пути "растлевающих" западных ветров. Другое направление исходит из многофакторности российской цивилизации, соединения в ней разных, пусть и противоположных цивилизационных начал (условно говоря, "восточного" и "западного").

Сторонники нового цивилизационного подхода добились большого влияния: на его основе читаются сегодня вузовские и школьные курсы по отечественной истории, написано большое количество статей, монографий, учебников. Этот подход обладает познавательной ценностью, хотя в нем заключена опасность идеологического мифа об уникальности и превосходстве (например, "святая Русь") российской цивилизации. Очень важно избежать этой опасности при исследовании "вертикали", или "оси", российской цивилизации, как и факторов, ее формировавших: природно-географическая среда, экономико-социальные уклады, государственность, вероисповедание, ментальность, взаимодействие с другими мирами и культурами.

Среди концепций российской цивилизации наиболее плодотворной в познавательном плане представляется концепция ее "раскола", отсутствия в ней "нормативной срединности"⁷, обуславливающих противоборство "восточного" и "западного" начал. Концепция эта не нова, ее, в частности, придерживался и В.О. Ключевский, рассматривавший исторический путь России как столкновение "почвы" и "цивилизации". Сегодня ее исповедует большинство обществоведов, придерживающихся цивилизационного подхода.

"Расколотость" российской цивилизации, наличие в ней двух противоречивых начал прослеживаются на протяжении большей части ее истории начиная с Киевской Руси. При этом присутствие в ней "западного" начала свидетельствует в пользу применения к российской истории теории модернизации, которая (модернизация) удовлетворяла объективную потребность развития и пестования этого начала. Признание же ее "восточного", "почвеннического" начала позволяет выявить те факторы, которые объективно препятствуют модернизации и которых не могут не учитывать прозорливые политики, берущиеся за дело либеральных реформ.

Среди "почвенных" факторов особое значение имеют экономико-политические и социокультурные. Одним из главных и определяющих факторов российской истории стало центральное место в ней самодержавия, безусловное верховенство и господство государственной власти в общественно-политическом развитии, подчиненно-подданническое отношение к ней как индивидуумов, так и классов. В таких условиях гражданское общество и права индивидуумов, являющиеся оплотом либеральной цивилизации, не имели шансов на самоукоренение и развитие. Государство занимало центральное место как в формировании социальных отношений и структур, так и в определении отношений собственности и экономическом развитии. Цивилизационные особенности России в значительной степени определялись воспринятой ею православной ветвью христианства, которая в отличие, скажем, от протестантизма накладывала табу на пестование буржуазно-индивидуалистических ценностей. Среди социокультурных черт российской цивилизации важное место принадлежит также корпоративности и соборности, которые имели следствием невыделенность личности, болезненное переживание индивидом своей физической отдельности, противопоставленности общности⁸.

Эти и другие "почвенные" черты российской цивилизации неизменно оказывались мощным препятствием на пути модернизационных усилий реформаторов, что стало одной из главных причин того, что ни одна из российских модернизаций не была доведена до конца. Российская история, пусть и в обновленном виде, возвращалась на почвенные "круги своя". Некоторые обществоведы полагают, что антагонизм между "почвой" и модернизацией вообще не устраним, и это предопределяет развитие российской истории по трагическим циклам.

Цивилизационные характеристики России проливают свет на перипетии современной российской истории. Попытки модернизаторов сломать или просто проигнорировать их, действовать по "универсальным" рыночным законам в значительной мере определяют неудачи реформ, как и их драматические, а зачастую трагические эконо-

⁷ Ерасов Б. Россия в евразийском пространстве – Общественные науки и современность 1994. № 2, с. 59

⁸ См. работы исследователей, исповедующих цивилизационный подход, таких, как А.С. Ахизер, Б.С. Ерасов, И.В. Кондаков, И.Н. Ионов, А.С. Панарин, Л.И. Семенникова, И.Г. Яковенко и других

мические и социальные следствия. Справедливость требует признать, что в определенный момент развития современной российской модернизации, а именно на рубеже 80–90-х годов – политическое поведение масс создало представление о том, что цивилизационные барьеры удастся "перепрыгнуть" и свершить модернизацию быстро и по классическому образцу. Действительно, в то время большинство россиян, разочаровавшись в социалистических моделях общественной перестройки, отдало свои симпатии радикал-либералам. В массах возобладали желание и вера в возможность чистых западных реформ. Эти настроения инициировались и пестовались средствами массовой информации и демократической интеллигенцией. "Национальные особенности" России вместе с социалистической доктриной были приравнены к идеологическому мифу. Один из лидеров радикалов Н.И. Травкин утверждал: "А как только отбрасывается все идеологическое лицемерие, выясняется, что не так много у нас расхождений между общественно-политическими системами Запада и тем, что собираемся строить мы"⁹.

Практическое воплощение радикально-либеральной модели, однако, очень быстро обнаружило, что "идеологическое лицемерие" в действительности представляло собою экономические, политические, социокультурные реалии, которые при столкновении с кавалерийской атакой реформаторов способны отреагировать национальной трагедией. Перед лицом этой трагедии реформаторы стали тасовать свои ряды, демонстрируя вместе с тем очевидную неспособность выработать и предложить нации общественно-политический курс, который бы смог соединить модернизацию с цивилизационной органикой России.

Оценивая вышеизложенные теоретические подходы, можно заключить, что каждый из них обладает определенными познавательными возможностями, но ни один не содержит исчерпывающий инструментарий постижения современной истории России. Важнейшим средством развития этого инструментария является, по моему убеждению, междисциплинарность, заключающаяся в широком использовании методов и концепций различных общественных наук, особенно же социологии и политологии. Дополнительные теоретические возможности в изучении переломных эпох, к которым принадлежит и современная российская история, заключены и в самой исторической науке.

4

Среди исторических теорий переломных эпох, которые позволяют выставлять историко-типологические оценки современных российских перипетий, выделяю концепции социально-политических революций и термидора. Понятия "революция" и "термидор" уже использовались отечественными политиками и обществоведами применительно к 90-м годам, но зачастую они оказывались наполненными противоречивым, порой взаимоисключающим содержанием. Политики и обществоведы либеральной ориентации определяют современную российскую революцию, под которой в первую очередь понимают августовские события 1991 г., как буржуазно-демократическую, а чаще просто как демократическую, и дают ей сугубо положительные оценки. С иными оценками выступают представители противоположного лагеря.

Осмысление событий 1991 г. приобрело остродискуссионный характер. Не меньше споров вызывают и события последовавшие за августовской 1991 г. смсной общественно-политического режима в России, которые я считаю возможным обозначить как термидор. Прежде чем приступить к историко-типологической характеристике современной российской революции и термидора, целесообразно уточнить, что понимается под этими определениями, поскольку в этом вопросе ни в общественном мнении, ни в обществоведении единства не существует.

Относительно понятия "революция" различия среди представителей обществоведческих дисциплин не столь существенны. Под революцией чаще всего понимается коренное или радикальное изменение общественно-политического строя, типа полити-

⁹ Литературная газета, 1990, № 26.

ческой власти или режима. Историки при этом предпочитают пользоваться социально определенными понятиями, например "буржуазная" или "социалистическая" революция, а политологи или социологи более общими понятиями типа "левая" и "правая" революции. Разногласия такого рода вполне устранимы, ибо понятно, что "левые" революции направлены на смену или расшатывание буржуазных общественных основ, а "правые" революции преследуют цель утверждения или упрочения капиталистического строя. Более серьезны расхождения в понимании сути термидора.

В марксистской и в первую очередь советской исторической мысли термидор трактовался как контрреволюция. Классическим образцом термидора признавался антиякобинский переворот во Франции в 1794 г. Большинство марксистов, как и в целом авторов левой ориентации, применяли термин "термидор" только в отношении действий буржуазии, пресекавшей народные революции. Со временем, однако (а одним из первых пример здесь подал Л.Д. Троцкий), часть марксистских и в более широком плане левых авторов, стали применять термин "термидор" и в отношении прерывания социалистической революции. Так, Троцкий и его последователи под "термидором" понимали "персхождение" большевизма в 20-е годы и антидемократические действия Сталина, приведшие к узурпации им власти в СССР. Термидор означал разрыв с Октябрем 1917 г., т.е. контрреволюцию.

В немарксистской литературе, использующей термин "термидор", его толкование отлично. Под термидором понимается присвоение результатов революции, концентрация и консолидация экономической и политической власти в руках новых элит. В такой трактовке термидор обнаруживает как разрыв, так и преемственность с революцией, ее результаты не отменяются вообще, а используются в собственных интересах элитами. По этой причине термидор рассматривается как консервативная фаза или консервативное завершение революции. Не случайно французские историки определяют хронологические рамки революции конца XVIII в. во Франции не 1789–1794 гг., как это делали советские историки, а 1789–1799 гг.

Какая из этих оценок соответствует исторической реальности? Рассмотрим этот вопрос на примере нескольких термидоров, имевших место в истории разных стран. Для начала обратимся к опыту французского термидора конца XVIII в., признанного классическим образцом как в отечественной, так и в мировой историографии и давшего название явлению. Известный советский специалист по истории Франции В.М. Далин, определивший его в полном соответствии с марксистско-ленинской традицией как "буржуазную контрреволюцию"¹⁰, в конкретно-историческом изложении термидорианского периода приводил факты, которые заставляют усомниться в данной оценке. Действительно, эти факты свидетельствуют, что термидорианцы сняли ограничения с капиталистического накопления и попытались в максимально полной мере восстановить свободную конкуренцию и рыночное ценообразование. В политической сфере они пресекали не только эгалитаристские устремления "низов", но в еще большей мере попытки монархической реставрации. В целом их позиция заключала стремление избавить Францию от якобинского эгалитаристского наследия и вернуться к "чистым" либерально-буржуазным образцам, в гораздо большей мере, чем якобинская программа, соответствовавшим принципам 1789 г. Термидорианская политика способствовала концентрации власти в руках и в интересах буржуазных элит, посчитавших исчерпанными свои обязательства перед народом. Она может быть поэтому определена не как контрреволюция, а как нормализация буржуазного миропорядка, который объективно и стоял на главном месте в повестке революции. То, что для этого пришлось пожертвовать политической демократией и тем более социальным эгалитаризмом, с точки зрения буржуазного миропорядка было явлением второстепенным.

Второй исторический пример термидора относится к практике Американской революции конца XVIII в. В 1787 г., через 11 лет после начала революции, американская элита предприняла мощную и успешную попытку консолидации государственно-поли-

¹⁰ История Франции, тт. 1–3 М., 1973, т. 2, с. 70.

тической власти в своих руках. Выработанная ею, а затем одобренная необходимым большинством штатов федеральная конституция пресекала или резко ограничивала "перехлесты" политической демократии и тенденции социального эгалитаризма, которые в предшествующий период нашли широкое выражение как в действиях низов, так и в законодательной практике многих штатов. Но и американский термидор означал не контрреволюцию, а нормализацию буржуазного миропорядка, приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили господствующие позиции в экономике. Американский термидор был гораздо мягче французского, ибо элита США сочла возможными и необходимыми разнообразные компромиссы с неэлитными слоями белого населения, что подвело под буржуазный миропорядок весьма прочную социальную базу. Конституция США, институционализировавшая этот миропорядок и бравшая под особую защиту экономическую свободу и право собственности, вместе с тем утверждала принципы разделения властей, "сдержек и противовесов", правовое государство, как и политические свободы. Элита придала ей форму "общественного договора" с нацией, который налагал на правителей и управляемых взаимные обязательства. То, что американский термидор в отличие от французского не столько ущемлял демократию, сколько отдавал ее под контроль элиты, объяснялось, конечно, не интеллектуальным превосходством отцов-основателей США над вождями французских буржуа, а гораздо меньшими опасностями для американского буржуазного миропорядка как "слева", так и "справа".

Третий пример термидора относится к отечественной истории, к периоду, последовавшему за Октябрьской революцией 1917 г. Это была уже не буржуазная, а противоположная ей по духу "левая", эгалитаристская революция. Провозгласив в момент своей кульминации принципы "Землю крестьянам!", "Фабрики рабочим!", "Власть Советам!", обеспечившие тесную смычку большевистского руководства с народом, революция затем стала все более тяготиться взятыми обязательствами и уже в 20-е годы почти отреклась от них. И в России революция сменилась термидором, означавшим консолидацию и концентрацию власти в руках политической элиты, оформившейся из "переродившихся" вождей революции и сложившейся уже после нее партийно-государственной номенклатуры. Но и российский термидор трудно назвать контрреволюцией, поскольку он заключал в себе не только разрыв, но и преемственность с эгалитаристскими социально-экономическими нормами большевизма. Другое дело, что эти нормы находились теперь во власти партийно-государственной элиты, которая во все большей степени обнаруживала тенденцию "нормировать" не себя, а народ.

Эти исторические примеры, которые могут быть дополнены и многими другими, позволяют определить термидор как консервативную фазу революции, сосредоточивающую власть в руках новых элит. В этом его отличие от реставрации, которая, в отличие от термидора, и может быть названа контрреволюцией. Приведенные примеры свидетельствуют, что термидор выступал в качестве закономерности революционных эпох. По крайней мере, трудно привести хотя бы один пример, свидетельствующий о том, что революции, "левые" или "правые", обещавшие всеобщее счастье, воплощали свои идеалы в жизнь. Термидор подтверждает выводы Г. Моска, Р. Михельса, В. Парето, Р. Милса и многих других политологов и социологов XX в. о разделении общества на классы управляющих и управляемых, как бы ни маскировалось это разделение в идеологии управляющих. Другое дело, что отношение между термидором и демократией неоднозначно: "жесткие" термидоры подавляют ее, а "мягкие" сохраняют, выстраивая всевозможные компромиссы между элитами и массами, сохраняя возможность для пересмотра и обновления "общественного договора". При либерально-демократическом режиме возникают модели "демократического элитизма", "открытых элит", демократические формы расширяются и увеличиваются, налагая на элиты новые обязательства. Расширение демократии не происходит по доброй воле элит, оно требует усилий со стороны масс, их постоянной политической активности и зрелости.

Современный общественно-политический процесс в России, рассмотренный под интересующим нас углом зрения, может быть разделен на два этапа: 1989–1991 гг. – этап либерально-демократической революции; 1992–1997 гг. – элитарно-термидориванский этап.

Одной из главных причин либерально-демократической революции 1989–1991 гг., которая одновременно была и антикоммунистической, можно считать провал попыток М.С. Горбачева реформировать социализм, соединив его с демократией и рынком. Причины провала породили дискуссию, которой никогда не будет конца, при этом главными являются два мнения: согласно одному социализм вообще не соединим с демократией и рынком, сторонники другого утверждают, что М.С. Горбачев использовал ошибочные приемы такого соединения. Здесь нет возможности, да и необходимости вторгаться в эту дискуссию, для нашего анализа достаточно вывода, который подтверждается многими фактами: провал горбачевской стратегии породил в обществе убеждение, которое быстро стало господствующим, что модернизация на социалистической основе вообще невозможна, что рынок и демократия не могут быть привиты социализму, а их укоренение требует смены общественно-политического строя. Эти идеологические установки, равнозначные идеологической революции, были усвоены обществом в 1989–1991 гг., а венцом стала мирная политическая революция 1991 г., нанесшая сокрушительный удар по СССР и социалистическому строю.

Итак, либерально-демократическая революция 1989–1991 гг. развивалась по одному из классических для революции вариантов: сначала была выдвинута и внесена в сознание масс, став "материальной силой", либерально-демократическая идеология, а по ее стопам шла либерально-демократическая политическая революция. Руководящей силой этой революции выступило движение, называвшееся в равной степени радикальным и демократическим. Своим рождением оно обязано порожденной М.С. Горбачевым политической демократизации, которая быстро приобрела собственную инерцию и выдвинула множество радикальных его оппонентов.

Социальный состав радикального движения вобрал в себя три основных компонента. Во-первых, это относительно небольшая группа диссидентов во главе с академиком А.Д. Сахаровым; во-вторых, большая часть научной и творческой интеллигенции, ядро которой составили "шестидесятники" – Е.А. Евтушенко, А.Г. Адамович, Г.Я. Бакланов, В.И. Селюнин, Ю.Д. Черныченко и др., но все большую роль играла молодежь – С.Б. Станкевич, А.Н. Мурашов, И.И. Заславский, О.Г. Румянцев и др.; в-третьих, это часть советского партийно-идеологического истеблишмента – Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Р.И. Хасбулатов, Г.Э. Бурбулис и др., по разным мотивам перешедшая в радикальную оппозицию к М.С. Горбачеву. Достаточно пестрый состав радикального движения предопределил и пестроту его мотивов, которые вмещали в себя и искренне демократические, как у бывших диссидентов, и замаскированно карьерные, как у большинства представителей партийно-идеологического истеблишмента. Пестрота социального состава и мотивов радикального движения предопределили его внутренние противоречия, а в последующем расколы и "перерождение", ставшие после утверждения радикалов у власти одним из факторов российского термидора.

При всей неоднородности радикального движения ему в оппозиционный период было присуще идеологическое единство. На первом этапе – с конца 1988 г. до лета 1990 г. – для всех его течений была еще характерна вера в идеалы демократического социализма. Правда, радикалы более решительно в сравнении с М.С. Горбачевым уже тогда отстаивали классические либерально-демократические ценности, в том числе такие, как частная собственность, многопартийность, политический плюрализм, которые для генерального секретаря КПСС были неприемлемы. Они должны были быть скрещены с социалистическим идеалом. Приверженность последнему в сочетании с усиливавшимся поклонением радикалов западным ценностям приводила их к паразитическим

идеологизмам: образцами истинного социализма были объявлены Швеция, Австрия и даже Соединенные Штаты Америки!

Разрыв радикалов с социалистическим идеалом созрел постепенно, а окончательно произошел летом 1990 г. Последняя точка в этом разрыве была поставлена в ходе перипетий XXVIII съезда КПСС. После того, как радикалы во главе с Б. Ельциным, избранные делегатами съезда, не смогли реализовать свои требования, они решительно заявили о выходе из КПСС. Начался новый – антикоммунистический – этап российского радикализма. Эта важная перемена была четко выражена в обращении руководства движения "Демократическая Россия", принятом в августе 1990 г.: "Замена модели "демократы в КПСС + демократы вне КПСС" ... на куда более естественную модель "демократы вне КПСС, с одной стороны, КПСС – с другой стороны", неизбежна для начинающейся многопартийной реальности"¹¹.

На новом этапе радикалы отвергли социализм в любом его виде и твердо присягнули идеалу "чистого либерализма", освобожденному от социалистической "примеси". Народившиеся весной-летом 1990 г. радикальные партии стали соперничать между собой под лозунгом "Больше либерализма!". Резкий уклон российского радикализма в сторону чистого либерализма проявился и в том, что наиболее популярными авторами средств массовой информации стали публицисты, отстаивавшие ценности свободного рынка в духе премьер-министра Великобритании М. Тэтчер и президента США Р. Рейгана. Радикалы продолжали рассматривать западную модель как образец для России, но теперь эта модель трактовалась как чисто капиталистическая и антисоциалистическая.

Принятие радикалами принципов чистого либерализма было обусловлено логикой и особенностями общественно-политических процессов как в России, так и в мире. Этому способствовал крах двух реформаторских моделей М.С. Горбачева, обе из которых обозначались как социалистические. В обществе широко распространилось убеждение, что серьезные экономические реформы на социалистической основе вообще невозможны и что надежды должны быть возложены на чистые либеральные образцы экономического и политического развития. Воплощением их была западная цивилизация.

Бум прозападных настроений достиг пика как раз в 1990–1991 гг. Именно тогда, признав провал реального социализма, российское общество твердо восприняло в качестве "общечеловеческих" западные ценности. При этом за образец западного либерализма был воспринят тот, который в силу конкретно-исторических причин вышел на первый план в 1980-е годы. Этот образец, ассоциировавшийся с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана, можно определить как буржуазно-индивидуалистический либерализм. По иронии судьбы этот образец либерализма, обожествлявший рынок и сводивший роль государства до минимума, в самих странах Запада уже давно и прочно выполнял функцию консерватизма и чаще всего выступал под этим именем. Ведущее же течение западного либерализма, ассоциировавшееся с именами Дж. Кейнса, Ф. Рузвельта, Д.К. Гэлбрейта и синтезирующее в себе индивидуализм, демократию и социал-реформизм, было объявлено современными российскими радикалами несостоятельным.

Важной причиной резкого "поправления" российских радикалов в 1990 г. стали прокатившиеся в конце 1989 г. антикоммунистические революции в Восточной Европе. Они показали, что антикоммунизм пользуется широкой поддержкой и что политические победы может принести не "половинчатая" либерально-социалистическая позиция, а бескомпромиссное отрицание реального социализма. Этот урок и воплотился в политической стратегии радикалов.

Доказательством чуткого улавливания радикалами меняющихся политических веяний и запросов являлся непрерывный рост их популярности в массах в 1989–1991 гг. Своего первого успеха они добились на весенних 1989 г. выборах народных

¹¹ Обращение оргкомитета по созданию движения "Демократическая Россия". – Огонек, 1990, № 38.

депутатов СССР, которые впервые в советской истории проводились на альтернативной основе. Через год во время вторых свободных выборов, на этот раз в органы власти РСФСР, радикалы существенно развили свой успех. Их лидер Б.Н. Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР и сформировал российское правительство, принявшее программу ("500 дней") радикальных экономических реформ. Наконец, еще через год на третьих свободных выборах, выступая уже на открыто антикоммунистической платформе, они добились политического триумфа. В июне 1991 г. Б.Н. Ельцин был избран президентом России, получив 57,3% голосов избирателей, в то время как четверо коммунистических кандидатов набрали вместе немногим более 30% голосов. Тогда же большинство избирателей Ленинграда в ходе референдума высказались за возвращение городу названия Санкт-Петербург, отказавшись именовать его впредь в честь основателя партии коммунистов. В августе 1991 г. радикалы, одержав в течение трех дней победу над путем консервативного руководства СССР, поставили точку в антикоммунистической революции. Последовавший запрет КПСС не вызвал сколько-нибудь широкого протеста в обществе.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что либерально-демократическая революция в России была осуществлена при поддержке большинства общества и ненасильственным путем, особенно же при помощи избирательных бюллетеней. Этот вывод важен и принципиален потому, что сегодня среди российских политиков левой и националистической ориентации, как и среди большей части обществоведов, распространено противоположное мнение, заключающееся в том, что большинство общества было пассивно, вообще не оказывая поддержки радикалам¹², или же оказалось в состоянии "идеологической паники"¹³, т.е. действовало неосознанно, инстинктивно.

Одним из дискуссионных является вопрос о социально-политическом характере революции 1991 г. Многие политики, публицисты и журналисты радикальной ориентации определяли ее как буржуазную или буржуазно-демократическую. У такого определения есть резон, поскольку принципы, провозглашенные российскими радикалами, совпали с основополагающими заповедями буржуазно-демократической революции. Однако между революцией 1991 г. в России и типичными буржуазно-демократическими революциями были существенные отличия. В России в 1991 г. не было ни экономических факторов (частная собственность и частнокапиталистическое предпринимательство), ни буржуазии, достигших в Европе и Северной Америке накануне буржуазных революций той критической массы, которая и делала эти революции неизбежными. В тех революциях именно буржуазия играла роль организатора и гегемона, быстро формировала мощные буржуазные политические группировки и системы и брала в руки политическую власть. Ничего подобного в России не было. Российское демократическое движение моделировало общественно-политическое устройство по образу и подобию западной цивилизации, не располагая социальной средой, которая обусловила развитие этой цивилизации на самом Западе.

Типичные буржуазно-демократические революции и российская революция 1991 г., протекавшие в разных социально-экономических средах, обнаруживают в первую очередь идеологическое родство, приверженность либерально-демократическим ценностям. Поэтому российскую революцию, протекавшую под либерально-демократическими знаменами, но при отсутствии буржуазии и буржуазной социально-экономической среды, точнее всего было бы назвать либерально-демократической. Ее идеологии были присущи как все основополагающие установки либерально-демократического кредо, так и присущий ему утопизм. Утопизм, заключавшийся в обещании облагодетельствовать всех и сразу, был, конечно, присущ и типичным буржуазно-демократическим революциям, но в российской революции он поражает в гораздо

¹² Козлов В. Российская история. Обзор идей и концепций, 1992–1995 годы. – Свободная мысль, 1996, № 3, с. 110–111.

¹³ Зиновьев А.А. Гибель "Империи зла". (Очерк российской трагедии). – Социологические исследования, 1995, № 1, с. 93.

большей степени, ибо она проходила все же на двести лет позднее и могла опираться на богатые исторические уроки.

Радикалы, державшие равнение на западные стандарты при определении целей российских преобразований, игнорировали факты вопиющей отсталости России по основным экономическим показателям от избранного идеала. Провозглашались, например, необходимость и возможность быстрого создания в России среднего класса, который в странах Запада составляет не менее двух третей общества, являясь прочной основой и социальной стабильности, и политической демократии. Упускалось из виду, однако, что материальная основа создания среднего класса в России, в которой производство валового национального продукта на душу населения было в 3–5 раз меньше, чем в странах Запада, отсутствовала.

Другой популярной идеей российских радикалов был перевод сельского хозяйства на фермерский путь, который, согласно их утверждениям, позволил бы не только накормить Россию, но и начать экспорт зерна. Но ни разу не были приведены экономические и иные расчеты и выкладки, призванные ответить на вопросы: как можно было совершить этот "большой скачок", если Россия по урожайности зерна отставала от Вьетнама, Замбии, Пакистана, Бангладеш и Никарагуа¹⁴, и как можно было осуществить массовую фермеризацию, если отсутствовали необходимые для этого производственно-техническая база и социокультурные предпосылки?

Согласно плану "500 дней", взятому на вооружение Б.Н. Ельциным и его окружением, предполагалось уже в течение первой половины срока свершить широко-масштабную приватизацию экономики, как и разрушить монополистический ее характер. В течение второй половины предполагалось снятие в основном государственного контроля за ценами, допущение глубокого спада в базовых отраслях экономики, регулируемой безработицы и инфляции в целях резкой структурной перестройки экономики. К концу срока разработчики программы обещали экономическую стабилизацию по всем основным показателям. При ретроспективном рассмотрении утопизм этой программы поразителен.

Столь же оптимистичными и утопичными были рассуждения радикалов о политическом переустройстве России. У них не возникало никаких сомнений, что разделение властей, правовое государство, многопартийность, политический плюрализм утвердятся в России быстро и безболезненно.

Утопизм радикалов во время борьбы за власть не только не мешал, но даже играл им на руку. Историки хорошо знают, что утопизм – качество многих новых идеологий, особенно в крутые переходные эпохи. Появление идеологий-утопий в такие эпохи закономерно: как показывает опыт истории, только вооружившись ими, можно решительно повести массы на борьбу со старым общественным строем. Идеология российских радикалов еще одно тому подтверждение: только ей удалось нанести удар по коммунистическим доктринам, россияне пошли за нею, потому что она предлагала абсолютную альтернативу не оправдавшему себя реальному социализму.

Закономерен и важен вопрос: насколько искренне верили россияне и их радикальные лидеры в возможность утверждения всеобщего благоденствия и демократии после смены коммунистического режима? Изучение источников 1989–1991 гг. позволяет сделать вывод: среди масс россиян, разных их слоев, особенно среди интеллигенции укоренилась вера в то, что Россия должна равняться на западные социально-экономические и политические стандарты и способна быстро достичь их. Представляется, что эта вера была вполне искренней и для части лидеров радикального движения. В то же время для многих других лидеров этого движения, что особенно очевидно в свете их эволюции в последующий период, либерально-демократические идеалы и программы являлись средством завоевания популярности и борьбы за власть.

¹⁴ Илларионов А. Где мы находимся. – Эко, 1988, № 12, с. 57.

Сосредоточив в результате политических схваток и побед 1989–1991 гг. полноту власти в России, радикалы во главе с Б.Н. Ельциным приступили к реализации своих планов. С начала 1992 г. были запущены три главные реформы: введение свободного ценообразования, либерализация торговли, массовая приватизация. В своей основе они были воплощены в жизнь уже в 1992 г., а в последующее время развивались с некоторыми корректировками, не менявшими сути дела. Оценки этих реформ и их последствий среди политиков и исследователей неоднозначны, но в целом можно констатировать, что только очень немногие выставляют им высокий балл¹⁵. Большинство дает им негативные оценки, которые колеблются от умеренно критических до резко отрицательных. Наиболее распространенными оценками общественно-политической системы, утвердившейся в России после 1992 г., являются "номенклатурный капитализм", "дикий капитализм", "финансово-олигархическое государство", "криминальная революция". Показательно, что подобные оценки выставляются представителями как национал-коммунистического, так и либерально-демократического лагеря (в последнем случае с такими оценками выступают помимо интеллигенции также и политики, не попавшие в "партию власти"). Но мотивировки негативных оценок существенно различаются.

Что касается националистов и коммунистов, то их оценка зиждется на реставрационных мотивах: радикальные реформы неприемлемы, потому что нанесли сокрушительный удар по социализму и СССР, восстановление которых и объявляется альтернативой новому общественному строю. Представители противоположного лагеря критикуют сложившуюся систему с точки зрения ее несоответствия либерально-демократическим идеалам. Наиболее распространенный подход заключается в критике "перерождения" и "предательства" демократов, оказавшихся после 1991 г. у власти, как и того, что те действовали не в строгом соответствии с заветами либерально-демократического движения оппозиционного периода¹⁶. Заслуживают внимания оценки, исходящие от Е.Т. Гайдара, "отца" современных либеральных реформ. Они противоречивы: согласно одной из них либеральные реформы не были воплощены в том виде и в той мере, как это было задумано, по причине сопротивления промышленных и аграрных "генералов"¹⁷, из другой вытекает, что эти реформы и не могли дать никаких результатов, кроме тех, которые дали¹⁸. Из второй оценки следует, что сам Гайдар и проторил дорогу олигархическому капитализму.

Можно констатировать: российское общество почти единодушно признает, что рыночно-капиталистическая модель, воплотившаяся в России, оказалась полной противоположностью тем планам и моделям, которые выстраивались в головах радикал-либералов в период их борьбы с коммунистическим режимом. Разногласия возникают в вопросе о причинах такого "разрыва", при этом доминируют представления об их субъективном характере. Согласно же концепции, выдвигаемой в данной статье, утверждение в России после 1992 г. олигархического капитализма было обусловлено объективными факторами, при этом его развитие и утверждение, как это ни покажется парадоксальным, находилось не в противоречии, а логически вытекало из той общественно-политической модели, которая была сконструирована радикалами в 1989–1991 гг.

¹⁵ Примером апологетической оценки реформ являются выводы шведского экономиста А. Ослунда, бывшего советником правительства Ельцина-Гайдара – См *Ослунд А* Россия: рождение рыночной экономики М, 1996

¹⁶ См., например: *Афанасьев Ю* Реванш. – Новое время, 1994, № 4–5, *Буртин Ю* Две приватизации. Как мы пришли к номенклатурному капитализму. – Новое время, 1994, № 20, 21; *Пивецова Л* Под конвоем – Независимая газета, 16 IX.1994; Демократия в России: самокритика и перспективы. – Общественные науки и современность. 1995, № 2.

¹⁷ *Гайдар Е* Новый курс. – Известия, 10.II.1994.

¹⁸ *Гайдар Е* Испытание выборами. – Известия, 28.VIII.1995.

Одним из центральных положений либерально-радикальной идеологии и сознания 1989–1991 гг. было представление о благотворности свободных, не обремененных государственным вмешательством экономических отношений. Даже умеренные радикалы отвергали идею государственного экономического регулирования, а "регулируемый рынок" считали такой же нелепостью, как "жареный лед". И если старая советская идеология исповедовала своего рода политический детерминизм, заключавшийся в вере в способность государства и КПСС переделать природу человека и устранить все пороки общества, то новая радикально-либеральная вера основывалась на экономическом детерминизме, по принципу "от противного" пытаясь доказать, что стоит устранить государство из естественно-исторического процесса, как тут же заработают благодатные механизмы рынка и экономической свободы, способные утвердить "равные возможности" для всех и всех облагодетельствовать.

Основы отечественного варианта экономического либерализма и были заложены правительством Ельцина–Гайдара в 1992 г. Роль государства как самостоятельного института оказалась резко сниженной. Сам Гайдар, впрочем, справедливо отмечал, что резкое ослабление самостоятельных позиций государства произошло еще до начала радикальных рыночных реформ. Государство стало утрачивать способность управлять промышленностью и сельским хозяйством как в силу того, что в горбачевский период предприятия и регионы получили широчайшие возможности выполнять лишь те решения, которые их устраивали, так и по той причине, что вместе с распадом СССР и КПСС резко ослабло само государство. В 1992 г. самостоятельная роль государства в социально-экономическом процессе была сведена к минимуму. Социальные последствия введения экономического либерализма оказались, однако, прямо противоположны ожиданиям радикалов.

Очень скоро после начала радикальных экономических реформ выяснилось, что ослабление государства как института автоматически сопровождается возрастанием возможностей манипулирования госбюрократией, использования ее в своих интересах теми, кто оказался в наиболее выгодном положении при переделе госсобственности. Радикальные реформы были без труда направлены в русло, удобное формирующейся экономической элите, которая щедро благодарила за услуги госбюрократию. Народ, которому обещали вхождение в благополучный средний класс, обречен был остаться ни с чем. Со всей полнотой это выявил процесс приватизации, запущенный в середине 1992 г.

Формально схема, разработанная Госкомимуществом России во главе с А.Б. Чубайсом и одобренная законодательной властью, соответствовала принципам "народной приватизации". Исходя из оценки российских предприятий на 1 января 1992 г. в 1,4 трлн. рублей, каждому россиянину на приобретение акций был выделен приватизационный чек в 10 тысяч рублей. Ваучерная приватизация призвана была, согласно либерально-радикальным планам, обратить массы в средний класс – собственников предприятий и акционеров. В действительности же народного капитализма не было, да и не могло быть создано. В течение короткого – двух-трех лет – периода после запуска приватизации большинство россиян (более 60%) остались и без ваучеров и без акций, а большинство среди тех, кто сохраняет акции, не знают, что с ними делать и не имеют от них никакой прибыли¹⁹. Реально незначительное меньшинство россиян, которые и составили костяк новой элиты, сосредоточили в своих руках прибыльные акции, собственность и экономическую власть. Конкретная практика столь поразительной реализации плана "народной приватизации" пока что не исследована сколько-нибудь в полной мере. Разрозненные, хотя и многочисленные факты процесса присвоения собственности узким меньшинством, ставшие достоянием общественности, раскрывают лишь видимую часть айсберга. Но и из этих фактов ясно, каким образом и почему владельцами госсобственности стали криминально-теневые структуры, отечественные и зарубежные финансовые корпорации, "красные директора" и их окру-

¹⁹ Финансовые известия 16.II.1996, Известия, 20.III.1996.

жение. Роль "первой скрипки" в подчинении "народной приватизации" их интересам сыграла госбюрократия, в первую очередь высшая, которая была щедро вознаграждена. Новая элита не случайно получила название финансово-бюрократической олигархии.

Известны и другие, наряду с приватизацией, механизмы формирования экономической элиты. Шведский экономист А. Ослунд доказывает, что в складывании класса "новых русских" решающую роль сыграла даже не приватизация, а скрытые экспортные субсидии, дотирование импорта и льготные кредиты²⁰. Очевидно, что "спец-экспортеры" и получатели "спецкредитов" были незаконно и, понятно, небескорыстно облагодетельствованы высшей бюрократией.

Возможны ли были распределение госсобственности и социальная структурализация новой России "по справедливости", как это предполагалось радикальными лидерами до 1992 г.? В идеале, да. Но при этом идеальная модель предполагает ряд жестких условий: рациональная, обладающая прочными морально-нравственными устоями бюрократия; сильное и беспристрастное государство, уравнивающее и обслуживающее по закону интересы всех граждан; развитое гражданское общество, контролирующее деятельность государства и бюрократии; наличие у граждан примерно равных предпринимательских способностей. Поскольку подобной идеальной модели не существует, не может быть создано и народного капитализма. Выпущенный в России в 1992 г. на волю "предпринимательский дух" заработал в социал-дарвинистском режиме, вознаграждая "наиболее приспособленных" к присвоению собственности.

Необходимо, впрочем, отметить, что 1992-й г. закрепил "вознагражденческие" тенденции, вызревавшие еще в горбачевский период. В новейших социологических исследованиях подмечено, что новая российская элита сформировалась по преимуществу из старой советской номенклатуры. По данным сектора изучения элиты Института социологии РАН, выходцы из нее составили более 75% политической и 61% бизнес-элиты. При этом новая политическая элита рекрутировалась из бывших партийных и советских работников, а экономическая – из комсомольских работников. Еще при М.С. Горбачеве, с 1988 г., министерства стали преобразовываться в концерны акционерного типа (например, "Газпром"), госбанки – в коммерческие банки, госснабы и торги – в биржи, совместные предприятия, крупные торговые дома. Новые коммерческие структуры получали права спецэкспортеров, специмпортеров, уполномоченных банков²¹. С 1992 г. эта тенденция трансформации власти в собственность не только не была ограничена, но, напротив, укрепилась и восторжествовала.

Существен вопрос: как относились к этим процессам лидеры радикально-демократического движения во главе с Б.Н. Ельциным, удивившиеся у руля государственной власти? Во всей полноте этот вопрос еще предстоит исследовать историкам, но и имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что радикалы, вошедшие во власть, повели себя как типичные термидорианцы, активно используя свои должности в целях присвоения элитных статусов и обогащения. Сразу после августа 1991 г. стали быстро множиться факты, свидетельствующие что люди, которые активно боролись со старым режимом под лозунгами уничтожения всех и всяческих привилегий, декларировавшие идеалы "равных возможностей" для всех, остро критиковавшие разрыв между словом и делом у советско-коммунистической номенклатуры, укрепившись у власти, без промедления и с поразительным цинизмом стали распоряжаться государственной собственностью как своей личной, присваивая дорогостоящие квартиры и дачи, лучшие больницы, здравницы, восстанавливая спецраспределители и прочие привилегии.

Принципы правового государства, провозглашенные демократами в качестве святого святых в период борьбы за власть, были порушены ими сразу после августа 1991 г., когда начался раздел собственности, конфискованной у поверженной КПСС. В соот-

²⁰ Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника – Финансовые известия, 20 VI.1996.

²¹ Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. – Общественные науки и современность, 1996, № 1

ветствии с принципами правового государства ее распределение должно было осуществляться на основе сбора заявок и их рассмотрения законодательными и судебными органами. Но на деле произошла ее узурпация победившими демократами, приступившими к "дележу добычи".

Эти случаи, как и многочисленные истории приобретения и строительства властвующими демократами шикарных особняков, посылки детей на учебу в страны Запада, вхождения во всевозможные коммерческие структуры, заполнили прессу. Но никто из "перерожденцев" не был наказан. Размах коррупции нарастал с каждым днем, и в глазах россиян она приобрела характер неофициального кредо новой власти. "Перерождение" властвующих демократов было признано и осуждено частью тех демократов, которые не вошли во власть, в первую очередь бывшими диссидентами. С.А. Ковалев счел необходимым выступить с самокритичной оценкой: "И к лицу ли нам теперь вставать в позу оскорбленной невинности и кричать о преданной демократии? Кто позволил ее предать, если не мы?... Мы проиграли власть, отдав ее негодяям и циникам"²². Другой известный диссидент, Л. Тимофеев, объявил роковой ошибкой демократов из диссидентского лагеря то, что они в конце 80-х годов вступили в альянс с "демократами" из КПСС и помогли этим двуличным политикам прийти к власти²³.

Термидорианские тенденции, получившие выражение в концентрации экономической власти и возможностей в руках новой элиты, были подкреплены термидорианскими переменами в политической системе. Здесь они выразились в первую очередь в пересмотре схемы разделения властей в направлении концентрации властных полномочий в руках исполнительной, особенно же президентской власти, в формировании "партии власти" и попытках превращения ее в закрытую элиту, в целенаправленных устремлениях поставить средства массовой информации под контроль новой элиты.

Среди политических перипетий в период после августа 1991 г. наибольшую известность и наибольшие разногласия в обществе вызвал конфликт законодательной и исполнительной власти в 1992–1993 гг., завершившийся вооруженной схваткой между ними, победой президентской стороны и ликвидацией Советов. В российском обществе высказаны разнообразные, в том числе взаимоисключающие оценки трагических событий сентября–октября 1993 г.

Президентская сторона всю ответственность за кровавые события возложила на Верховный Совет и законодательную власть. Исторический смысл трагических событий в оценке сторонников президента заключался в крушении системы Советов и советской власти, которая после ухода с исторической сцены КПСС оставалась последним оплотом тоталитаризма и главным барьером на пути демократических, экономических и политических преобразований. Согласно их аргументации, президент избрал не только единственно возможный, но и демократический способ выхода из тупика во взаимоотношениях двух властей, когда своим указом № 1400 передал решение вопроса о государственно-конституционном устройстве России на всенародное голосование. Что касается законодателей, то, отказавшись принять указ и обратившись к силовым методам сохранения советской конституции и "всевластия Советов", они встали на защиту собственных корпоративных интересов, а отнюдь не общественного блага и законности.

Антипрезидентская сторона вину за трагедию возложила на исполнительную власть и персонально на Б.Н. Ельцина. Действия законодательной ветви и ее защитников приравнивались ее представителями к подвигу, призванному спасти народившуюся в России систему разделения властей, конституционный строй, законность. В президентской политике они видели апофеоз целенаправленного утверждения авторитарного режима, призванного обслуживать интересы мафиозно-криминальных структур,

²² Ковалев С. Демократы не сумели ответить на вызов времени. – Известия. 19.XII.1995.

²³ Тимофеев Л. Большая растрата. Об уроках политического поражения демократов. – Известия, 26.II.1993.

коррупцированного чиновничества, компрадорской буржуазии. Самыми яркими защитниками демократии советского типа выступали коммунисты и разнообразные державно-националистические течения и группы.

В свете изложенной выше концепции термидора действия исполнительной власти осенью 1993 г. должны быть признаны важнейшей фазой процесса консолидации власти в руках новых элит. Но в отношении августа 1991 г. они отнюдь не были контрреволюцией, а тем более реставрацией. Реставрационные намерения и попытка свершения контрреволюции была заключена как раз в действиях законодательной власти и ее защитников. Анализ программ, идеологии, социального состава законодателей и их сторонников убеждает, что их целями было восстановление СССР и старого общественного строя. По сути их намерения не отличались от намерений ГКЧП в августе 1991 г. Подчинив своему контролю законодательную власть в России, они жестко блокировали действия исполнительной власти, в результате чего вся российская государственность к осени 1993 г. зашла в тупик.

Конфликт между исполнительной и законодательной властями стал неизбежен, вопрос стоял жестко – кто кого? Схватка, от которой зависела судьба русской государственности, вылилась в поединок внутри элит. В отличие от августа 1991 г. народ в целом остался безучастен к конфликту верхов, обнаружив тем самым понимание, что его интересы чужды обеим сторонам. Победа президента нанесла серьезный удар по реставрационным намерениям "слева" и закрепила те социально-экономические и политические тенденции, которые укоренились в 1992–1993 гг.

Институционализация президентской победы произошла с принятием 12 декабря 1993 г. нового Высшего закона России. Согласно новой Конституции президент стал одновременно и главой государства и главой правительства. Он сосредоточил в своих руках всю полноту исполнительной власти и, кроме того, наделился огромными законодательными полномочиями. Помимо права издания президентских указов он получил право отлагательного вето в отношении решений Федерального собрания. Для преодоления президентского вето в каждой из палат при повторном голосовании необходимо собрать не менее двух третей голосов. Вероятность отмены президентского вето сводится в результате к минимуму. Президентские указы превращаются в более реальную законодательную силу, нежели парламентские постановления. Российский президент получил также право роспуска Государственной Думы в случае трехкратного отклонения кандидатуры премьер-министра. В целом российская конституция создала государственную модель, в которой президент пользуется самыми большими прерогативами в сравнении с главами государств других известных миру президентских республик.

Принятие конституции 1993 г. ускорило консолидацию власти в руках новых элит, упрочило их экономические и политические позиции. Современные российские политологи приходят к выводу о складывании в рамках российской элиты политико-финансовых групп, участники которых связаны тесными патронально-клиентельными связями²⁴. Властвующая элита приобретает все более закрытый характер, действует все более согласованно, мобилизует огромные ресурсы для сохранения всего, что было приобретено ею после августа 1991 г. Общество ежечасно видит, как разрастаются сферы ее влияния и контроля, как сужаются реальные возможности противодействия ей. Одной из тенденций борьбы финансово-политических элит за монопольную власть в обществе стали ее мощные и эффективные усилия по скупке акций и подчинению influentialных независимых газет. В России возникли информационно-издательские империи, управляемые лидерами новой элиты.

Разрыв между содержанием и тенденциями общественно-политического процесса в России 1989–1991 гг., с одной стороны, и 1992–1997 гг. с другой, очевиден. Но, кон-

²⁴ *Афанасьев Л.* Клиентела в России вчера и сегодня. – Политические исследования. 1994, № 1; *Куколев И.* Региональные элиты: борьба за ведущие позиции продолжается. – Власть, 1996, № 1; *Гельман В.* Шахматные партии российской элиты. – Pro et Contra, Осень 1996.

статирова этот разрыв, невозможно отрицать и то, что между ними существуют разнообразные преемственные связи. Современный российский термидор, нанесший удар по идеологемам, риторике, иллюзиям 1991 г., доказал, что всеобщее благоденствие при новом порядке утопия не меньшая, чем при старом. Но он же сохранил и укрепил ряд основополагающих принципов 1991 г. и в последующий период укоренилась и развилась частная собственность, потеснившая с господствующей позиции собственность государственную. Экономический либерализм, святая святых идеологии 1991 г., также пустил корни в российском обществе. Конституция 1993 г. легализовала те экономические, социальные и политические принципы, которые отстаивались революций 1991 г. В России сохраняется многопартийность, политический плюрализм и разделение властей, хотя в сравнении с идеологемами 1991 г. они имеют ущербный характер. Принят Гражданский кодекс, соответствующий либеральным принципам. Регулярно проводятся свободные выборы, на которых соперничают политические партии и их лидеры. Политический спектр России очень широк, он вмещает в себя полюса от крайне левого до крайне правого. Российский термидор не уничтожил либерально-демократическую революцию 1991 г., а превратил ее в реальию, соответствующую закономерностям общественных взаимосвязей в буржуазном обществе, а не красноречивым представлениям о нем. Главная черта этой реальности заключается в том, что общество, как и прежде, остается разделенным на элиту, концентрирующую в своих руках собственность и власть, и большинство, отчужденное и от экономической и от политической власти.

Современные российские реалии вызвали в обществе массовое разочарование, растерянность и шок. Наиболее заметно это проявилось среди интеллигенции, которая была движущей силой революции 1991 г., а в последующий период в своем большинстве пополнила ряды "новых бедных". Состояние апатии, выключенность из общественно-политического процесса, характерные для интеллигенции, прослеживаются и среди других социальных слоев, которые поддерживали либерально-демократическую революцию. Политическая позиция россиян в период термидора выявляется эпизодически во время выборов государственных органов власти, главными среди которых были выборы в Государственную Думу в 1993 и 1995 г. и президентские выборы 1996 г. Результаты этих выборов свидетельствуют, что большим числом россиян владеет ностальгия, желание вернуть главный социальный статус прошлого – защищенность и покровительство со стороны государства. Вместе с тем эти же выборы показывают, что большинство россиян, оказавшись перед выбором из "двух зол" – между старым и новым порядком – предпочитали все же в качестве меньшего зла последний. Объяснение, по-видимому, заключено в том, что по представлениям большинства россиян советский социалистический строй исчерпал возможности позитивных изменений, в то время как новый порядок, существующий несколько лет, сохраняет способность изменений. Если такая способность существует, она должна заключать в себе в качестве важнейшей составляющей постоянный пересмотр "общественного договора" между разными социальными слоями в направлении расширения прав и возможностей большинства. В противном случае российская история сталкивается с выбором: или увековечивание режима финансово-бюрократической олигархии или возвращение пусть и к видоизмененному, но старому порядку.